

сектором истории СССР периода феодализма Института истории СССР. Среди его учеников — академик М. Н. Тихомиров, профессора К. В. Базилевич, Л. В. Черепнин и другие известные ученые.

В конце 30-х гг. С. В. Бахрушин участвовал в подготовке первого вузовского учебника по отечественной истории, где им были написаны главы об историческом прошлом народов Средней Азии, Закавказья, Крыма, Поволжья и Сибири. Не обошел он вниманием и среднюю школу. В русле своих научных интересов он публикует в журнале «История в школе» (1936 г., № 3) статью «Основные моменты Крымского ханства», не потерявшую интереса и научной ценности и по сей день. В этой работе, рассчитанной на широкий круг читателей, и прежде всего на учителей, дан сжатый историко-этнографический очерк Крыма XIII—XVIII вв. Здесь хорошо выражена творческая манера С. В. Бахрушина: уменье живо, увлекательно, но не в ущерб научной достоверности, излагать сложный исторический материал. Автор стремится познакомить читателя с конкретными историческими сведениями, не скупясь приводит выдержки из письменных источников, именно тех, которые и дают понимание непростого прошлого народов Крыма, а не служат иллюстрациями гипотезам и догадкам.

Несомненно, реальная политическая реабилитация крымских татар и других незаконно депортированных в 1944 г. этнических групп вызвала оживление интереса к объективному и всестороннему изучению их прошлого. Нужны не только новые статьи и монографии, но и

возвращение незаслуженно забытого научного наследия. Статья С. В. Бахрушина, написана в период еще не отягощенный трагической ситуацией изгнания с полуострова народов, поголовно обвиненных в предательстве. Автора нельзя заподозрить в предвзятом подходе к избранной теме; когда работа увидела свет, прошло всего два года со времени награждения Крымской АССР орденом Ленина.

Конечно, не все в предлагаемой статье бесспорно, например, увлечение С. В. Бахрушина теорией «торгового капитала», в объяснении генуэзской и венецианской колонизации Крыма, военной активности Крымского ханства, процесса подчинения его России. Работа создавалась в период активного становления советской исторической науки, когда вырабатывалась ее теоретическая платформа, не были еще преодолены модернизаторские взгляды на средневековую историю, на которую проецировались представления о развитом капиталистическом обществе. Нуждаются в объяснении некоторые термины, используемые автором, в силу их специфичности или архаизма; неизвестными современному читателю окажутся названия некоторых населенных пунктов, упоминаемых в статье, так как в послевоенные годы произошло переименование подавляющего большинства сел и некоторых городов. Краткие пояснения дает редакционный комментарий, помещенный в конце статьи.

В данной публикации полностью сохранена оригинальная орфография журнальной статьи 1936 г.

С. В. БАХРУШИН

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Географическое положение Крыма в течение всей его истории налагало известный отпечаток на те процессы, которые происходили в жизни его обитателей. Связанный перешейком с восточноевропейскими степями и, вместе с тем, выдвигаясь клином в Черное море, являющееся частью Средиземного моря, Крым всегда служил как бы гаванью для степных кочевников и местом, где встречалась патриархальная кочевническая культура степей с культурой торгового Средиземноморья. Так было в эпоху классической древности, когда на пустынных и каменистых берегах Тавриды возникали греческие колонии, служившие посредниками между странами эллисской цивилизации и племенами скифов и сарматов. Так было и позже, пока Средиземное море играло первенствующую роль в

хозяйственной жизни Европы. Так было и в эпоху существования феодального татарского государства в Крыму.

В момент появления татар в Крыму и в последующие столетия главным занятием их было скотоводство, чему способствовало, по выражению Михаила Литвина, «преизобилующее богатство травы» в крымских степях. Оно оставалось основной отраслью татарского хозяйства и в XVI, и в XVII, и даже в XVIII в., по крайней мере в степной части полуострова. «Большинство (татар), — пишет Броневский (XVI в.), — вовсе не обрабатывает и не обсеивает полей; богатство их заключается в конях, верблюдах, волах, коровах, козах и овцах; этим они и живут». Но и скотоводство было еще очень примитивным. Скот бродил без надзора по сте-

пия, даже зимой оставаясь на пастбищах под открытым небом, в лучшем случае — в загонах и степи, огороженных камнями.

«Скот, утомленный трудами, исхудалый, поправляется в полях, питаясь скудной травой, доставаемой из-под снега копытами, не хуже, чем у нас на лучших пастбищах или в стойлах», — говорит Михаил Литвин. Даже после русского завоевания Паллас отмечал: «В равнинной части (Крыма) в каждой деревне многочисленные стада овец и рогатого скота». «Все жители, — пишет он, — имеют лошадей, а многие держат верблюдов (двухгорбых)». Землепашество стало развиваться, по-видимому, только в XVI в. и долгое время ограничивалось посевом быстро созревающего ячменя. Броневский утверждает, что масса населения степной части Крыма не знает хлеба, а питается ячменем, смешанным с разбавленным молоком, что в просторечии называется «cassa», то есть каша.

Наряду со скотоводством у степняков было другое постоянное занятие. Это война, — война с целью захвата невольников для продажи. Едва ли будет парадоксом сказать, что это занятие было для них вполне закономерным средством для получения путем обмена на пленников необходимых им товаров и денег. Спрос, непрерывно предъявляемый средиземноморскими рынками на живой товар, способствовал усилению этого промысла. «Единственным их ремеслом, — пишет один иностранный наблюдатель XVII в., — война». Когда в начале XVIII в. была сделана попытка прекратить набеги ногайцев на соседей, то они прямо отвечали, что у них нет другого ремесла, кроме войны, и что им нечем будет существовать без нее. Татарский панегрист в середине XVIII в. в виде высшей похвалы своему герою употребил такое же выражение: «Война была ремеслом знаменитого Крым-Герая». Это было действительно ремесло, почти профессия. В поход шли исключительно для приобретения рабов; шли почти без оружия, но запасшись всем необходимым для захвата пленников. «Едва десятый из них или двадцатый, — пишет Михаил Литвин, бывший свидетелем выступления татар в поход, — вооружен был колчаном или дротиком; панцирем же — того меньше; иные, правда, имели костяные или деревянные палки, а некоторые были препоясаны пустыми ножнами без мечей... Зато никто из них не отправляется без запаса свежих ремней, особенно, когда предпринимают набег на наши земли, потому что тогда они более заботятся о ремнях, чтоб вязать нас, нежели об оружии, чтоб защищать себя». Барон де-Тотт, участник последнего набега татар на Подолию в 1769 г., оставил очень картинное описание угона невольников: «Пять или шесть рабов разного возраста, штук 60 баранов и с 20 волов — обычная добыча одного человека, — его мало стесняет.

Головки детей выглядывают из мешка, привешенного к луке седла; молодая девушка сидит впереди, поддерживаемая левой рукой всадника, мать — на крупу лошади, отец — на одной из запасных лошадей, сын — на другой; овцы и коровы — впереди, и все это движется и не разбегается под бдительным взором пастыря. Ему ничего не стоит собрать свое стадо, направить его, заботиться об его продовольствии, самому идти пешком, чтобы облегчить своих рабов, и эта картина была бы поистине занятной, если б жадность и самая жестокая несправедливость не составляли ее содержания». Добыча по окончании похода шла в дележ. Хан брал с нее десятину — «саучу»; затем свою долю получали начальники; остальное распределялось между воинами. Эта охота на людей рассматривалась как деловое предприятие. Состоятельные татары ссужали бедняков средствами производства: оружием и лошадьми в счет будущей добычи; причем должник обязывался «по контракту своим кредиторам в положенный срок заплатить за одежду, оружие и живых коней — живыми же, но не конями, а людьми. И эти обязательства исполняются в точности, как будто бы у них всегда на задворках имеются в запасе литовские пленники».

Примитивное скотоводство требовало постоянной перемены мест для пастбы скота. Еще в XVI в. поэтому большая часть крымских татар жила кочевым бытом. Зимой они ютились в хижинах, «сделанных из прутьев, обмазанных глиной или грязью и навозом и крытых камышом», но в апреле, «забрав женщин, детей, челядь, рабов и круглые войлочные кибитки, (они) выезжают в двухколесных арбах, запряженных одним или двумя верблюдами либо волами; с собой они гонят бесчисленные стада верблюдов, рогатого скота и овец, направляясь к Перекопу и за Перекоп в самую Тавриду или к Азову» и «двигаются с места на место в поисках лучших пастбищ». А в октябре, когда начинают свирепствовать холода, дожди и ветры, они возвращаются в свои хижины... «Так живут до сих пор татары, — восклицает Михаил Литвин, — следуя за своими стадами и переходя с одного пастбища на другое». Даже в XVII в. татарское население Крыма еще не вполне осело. Татарская деревня в XVII в. представляет собой группу в 10 или 12 домов с мечетью посредине, кругом которой разбросано большое число круглых четырехугольных шатров и крытых наглухо возовок, которые тоже служат домами. Но в следующем столетии собственно в Крыму татары уже перешли к оседлой жизни, и номадами (и то с известной оговоркой) остаются только ногаи, живущие к северу от перешейка.

Кочевой образ жизни способствовал сохранению среди татар форм родового быта даже тогда, когда они утратили свое реальное зна-

чение. Один путешественник конца XVII в. описывает родовое устройство крымских татар. Они «делятся на племена (аймаки) и колена, подразделяющиеся, со своей стороны, на роды, каждый из которых возглавляется особым начальником, подчиненным главе всего племени или колена. Последнего называют мурзою; его выбирают всегда из состава племени, и эта должность представляет собой нечто вроде майората, который правильно переходит от старшего к старшему в потомстве родоначальника племени. Эти мурзы являются одновременно военачальниками и прирожденными советниками хана; между ними нет никакого различия, кроме личной доблести и численности родов, во главе которых они стоят; они ежегодно собирают десятину со скота, принадлежащего их племенам, и с военной добычи. Все татары заботливо сохраняют память аймаков или племени, из которых они происходят, и хотя иные племена с течением времени разбиваются на несколько колен, они продолжают учитывать все их разветвления. Поэтому нет самого невежественного татарина, который бы не знал совершенно точно, из какого аймака он происходит. Все роды, входящие в состав одного племени, обычно располагаются лагерем в одном месте и не удаляются от своей «орды» без ведома мурзы, чтоб он знал, где их найти в случае нужды. «Ордой» у них обозначается все племя, собранное в поход на врага или для иной какой цели. В походе каждая орда имеет свою тамгу (enseigne), ей присвоенную... Все колена одного аймака всегда сохраняют его тамгу, присоединяя к ней прозвище своего колена. Мурзы пользуются уважением хана лишь в зависимости от многолюдства их орд или племен, да и сами ханы лишь постольку страшны своим соседям, поскольку под их властью находятся племена, включающие большое количество родов. В этом и заключается могущество, богатство и величие татарского хана».

Образцом крымского аймака XV в. может служить шуркальское племя, во главе которого стоял бек Хаджи. Хан Тохтамыш пожаловал ему «со всем зависящим от него племенем» ярлык, освободивший шуркальцев от несения государственных повинностей и податей, чтобы они «как внутри, так и вне Крыма, в кочевьях своих от воеводы были свободны и никаких чиновных лиц не знали». Это, следовательно, небольшая, независимая орда, возглавляемая беком и находящаяся лишь в вассальной зависимости от хана. Легко усмотреть, что под формами родового аймака мы имеем здесь уже зарождение феодальных отношений, развивающихся на базе кочевого скотоводства, в тех их специфических формах, которые так блестяще вскрыты Владимирцевым в быту древних монголов.

Пережитки родового быта сохраняются

очень прочно в жизни татар до XVIII в. Так, институт кровной мести был узаконен и практиковался вплоть до присоединения Крыма к России: убийцу по судебному приговору выдавали родственникам, которые зарубали его на могиле убитого, «не то, что в Турции, где часто выкупались за деньги», как сентенциозно замечает иностранный наблюдатель начала XVIII в. Обряд фиктивного похищения жены из чужого рода сохранился до недавнего времени. В эпоху крымской независимости он носил характер ритуального сражения с обязательным пролитием крови. «Мы встретили, — пишет француз Ферран, посетивший Крым в 1706 г., — около 200 человек с саблями в руках, разделенных на два отряда; перед ними двигались две крытые повозки; казалось, что они сражаются... Но выяснилось, что они не сражаются по-настоящему, а только наносят друг другу легкие раны, чтобы извлечь кровь; это должно служить предзнаменованием, что дети мужского пола, имеющие произойти от этого брака, будут в свое время храбрыми воинами». Особенно любопытны наблюдавшиеся в XVIII в. у крымских татар пережитки родового владения имуществом, выражавшегося в праве участия каждого из них в трапезе соседа. «Среди них нет бедняков, — пишет монах Иоанн де Лука, — если у кого-нибудь из них нечего есть, он идет в дом, где обедают, ни слова не говоря свободно садится за стол, затем встает и удаляется без всяких церемоний».

Среди крымских татар уже в XIV в. выделяются своим могуществом и силой несколько родов, рано оторвавшихся от Золотой Орды и перекочевавших на полуостров. Это, во-первых, ширины, перебравшиеся со своим улусом с Волги в Крым, далее — барыны, аргыны, яшловы. Землю на полуострове им приходилось брать с бою. Легенда сохранила память о прибытии родоначальника яшловских боев* в Крым и о завоевании им Кыркора (Чуфут-Кале), окрестности которого оставались в руках их потомков до конца Крымского ханства. Так создавались крупные бейлики, вотчинные владения названных родов. В новых условиях процесс феодализации делает быстрые шаги вперед. Бывшие родовые старшины, захватив в свои руки значительные пространства земель и принудив туземное оседлое христианство и еврейское население к уплате дани и несению всевозможных повинностей, принимают черты крупных феодалов, сеньориальная власть которых основывается на земельном владении. Их подданные обязаны ходить к ним «на службу и на работу», платить

*Опечатка в оригинале текста. Несомненно, вместо «боев» должно быть «беев», родовое имя сейчас обычно пишется как «яшлавые», «яшлавские».

им оброк «с медовых ульев» и «овечий сбор» с их стад, «законную десятину» с продуктов сельского хозяйства и всевозможные пошлины, как то: «новшества», «взимания», «удержания», «выход и расходы». Оседание в плодородных предгорьях Крыма несколько могущественных родовых улусов и их феодализация явилась, как мне кажется, одной из основных причин, подготовивших образование здесь самостоятельного татарского государства — Крымского юрта.

Первоначально Крым, как известно, входил в состав Золотой Орды, но значение Крыма для хозяйственной жизни Орды, поскольку через него шли все торговые и политические сношения с Малой Азией и Восточным Средиземноморьем, очень рано, уже в конце XIII или в начале XIV в., привело к образованию на полуострове особого наместничества, находившегося в вассальных отношениях к золотоордынским ханам. Наместник, или «тудун» (слово, заимствованное у хазар), назначаемый золотоордынским ханом, пользовался в Крыму положением почти самостоятельного государя, сносился с иностранными державами, заключал мирные договоры с соседями и вел войны. Вокруг этих наместников группировалась туземная знать, и сами они постепенно оседали в Крыму, захватывали земли, основывали монастыри и тем прочнее укреплялись на полуострове, что самая должность тудуна имела тенденцию превратиться в наследственную. До сих пор в названии бывшего имения Айвазовского «Ших-Мамаи» сохранилась память об одном из наиболее знаменитых из тудунов, — Мамае, который пробовал обосноваться в Крыму. За сто лет до него такую же попытку сделал другой золотоордынский временщик Ногай.

Таким образом, в этот период политическая самостоятельность полуострова до известной степени обеспечивалась выделением его из общего состава Золотоордынского государства под главенством крупных феодалов, державших лен от хана на правах вассалитета.

С конца XIII в. намечается и столица Крымского наместничества Солхат, или Старый Крым, который в течение следующего столетия обстраивается великолепными зданиями, остатки которых раскрыты раскопками последних лет и свидетельствуют о богатстве и политическом значении резиденции тудунов.

С середины XIV в. туземная феодальная знать, усиливаясь по мере того, как крепла ее связь с землей в Крыму, все более проявляет сепаратистские тенденции. Вторая половина XIV в. и начало XV в. характеризуется в истории Крыма тем, что то и дело на его территории появляются местные ханы, которые отсюда стремятся присоединить к своим владениям и Приволжские степи. В выдвижении кандидатов на престол Крымского юрта, а косвенно и всей Золотой Орды, деятельное участие

принимают представители крупнейших крымских феодальных родов. Так, ширины поддерживали в XIV в. «Малого» — Кучук-Мухаммеда против «Большого» — Улу-Мухаммеда; барыны, наоборот, являются сторонниками Улу-Мухаммеда, а в 1387 г. принимают сторону Тохтамыша, которому, по преданию, много услуг оказал и ширинский бей Руктемир; в 1436 г. мансурский бей предлагает престол какому-то Бораку. Наконец, имеются сведения, что мурзы ширинские и барыньские в 40-х гг. XV в. призвали на царство основателя династии Гераев Хаджи-Герая. После его смерти, когда началась смута между сыновьями, ширинский бей Эминек является одним из самых деятельных участников в борьбе, поддерживая (несмотря на временные разногласия) одного из них — Менглы-Герая; благодаря его посредничеству Менглы-Герай и был признан, в конце концов, ханом со стороны Турции. Таким образом, мы присутствуем при стихийном возникновении татарского государства в Крыму в XIV—XV вв. на почве тех феодальных организаций, которые в нем существовали. Шаг за шагом мы наблюдаем, как окрепнувшая знать Крыма постепенно в своих сепаратистских тенденциях подготавливает превращение Крымского юрта в самостоятельное государство, которое и создается в середине XV в. с столицей в Бахчисарае, сменившим Солхат золотоордынских тудунов.

В процессе образования туземного Татарского государства не последнюю роль сыграли те условия, которые создались в Крыму, благодаря его приморскому положению.

Крым всегда был портом, через который Восточноевропейские степи вели сношения с культурными странами Средиземноморья. Такова была его роль в эпоху древнегреческих колоний, вывозивших продукты скотоводства из скифских степей и в обмен снабжавших предметами роскоши кочевников. Такова же была его роль и при хазарах. С образованием на Волге Татарского царства, зависевшего от монархии Чингиз-хана, роль Крыма в экономическом жизни степей сделалась особенно крупной. Крым превращается в своего рода ворота, через которые ведутся и политические и торговые сношения Передней Азии, Египта, Византии и Западной Европы с Золотой Ордой и с Каракорумом. Этим путем проходят и посольства египетских султанов, Венецианской республики и римских пап, и итальянские и катели приключений: и купец Марко-Поло, и художник Алевиз Фрязин, и сельджукинский султан Из-Эдлин, потерявший престол и искавший помощи у хана Золотой Орды, и арабский путешественник Ибн-Батута. Через Крым тянется бойкая, проторенная дорога, по которой идет непрерывное движение на восток; его гавани служат местом выгрузки товаров, следующих в Татарию, и, наоборот, — конечным пунктом большого кара-

ванного пути, идущего из Монголии и Хорезма на запад, где восточные товары складываются на суда. Крымские же порты связывают торговые города Малой Азии и Византии с русскими рынками и служат местом обмена мехов, привозимых с далекого Севера «гостями-суроужанами» в обмен на константинопольские и азиатские ткани и на крымскую соль. В Крым направляется в XIII в. и иммиграция сельджуков с противоположного берега Крыма.

В связи с указанным явлением Солхат обращается в бойкий, с пестрым населением город, в котором заметное место занимают иностранные купцы (русские, аланы и др.).

Разнообразные экономические и политические связи Крыма с культурными странами мусульманского Востока способствовали очень быстрому проникновению магометанской цивилизации в среду крымских феодалов. Примитивные анимистические верования, занесенные кочевниками в Крым из своих далеких монгольских степей, в этой среде должны были быстро уступить наплыву новой и блестящей культуры. К началу XIV в. процесс обращения в ислам крымских татар уже сделал значительные успехи. Ибн-Батута в начале XIV в. представляет нам Крым застроенным молитвенными домами и скитами, а крымскую знать — весьма преданною новой вере и тщателью исполняющей все предписания корана. Кладбище в Отузах*, недавно подвергшееся научному обследованию, показало наличие здесь монашеской общины, ведшей свое происхождение из Конии**. Последние раскопки вскрыли в Солхате грандиозное здание медресе — «Солхатской академии», по выражению археологов, свидетельствующее о распространении в столице крымских наместников магометанской науки. Наряду с татарской феодальной знатью в Крыму растет новая — духовная — знать в лице потомков Магомета — сейдов, настоятелей монастырей — шейхов и т. п. До сих пор развалины Старого Крыма сохранили памятники этого периода, наглядно рисующие те разнообразные пути, которыми проникла магометанская культура в Крым. Знаменитая мечеть Узбека, построенная архитектором из Арбелл в Месопотамии при содействии художников, присланных египетским султаном, показывает вместе с тем следы сильного влияния архитектурных форм, заимствованных у сельджуков, а Отузское кладбище именами покойников свидетельствует о связях и сношениях с Малой Азией, с Сирией, с Месопотамией и даже с Северной Африкой.

*Современное с. Щebetовка Судакского района.

**Сельджукский султанат, ныне его историческая территория находится в южной части современной Турции.

Так переплетались на крымской почве в XIV в. культурные нити, шедшие из отдаленных углов магометанского Средиземноморья.***

В XIV в. происходит значительное изменение в торговой конъюнктуре Черного моря. Господство на черноморских путях всецело переходит в руки итальянских колоний, которые к этому времени крепко овладели рынком и успели устроить другие народы от участия в черноморской торговле. В итальянских колониях татары с их пережитками патриархально-кочевого строя непосредственно сталкивались с гораздо более высокой культурой торговых городов. В первый момент Кафа, Судак, Тана (Азов) привлекли жадность завоевателей своим богатством и неоднократно подвергались разграблению. В 1299 г. Кафа была взята и разорена знаменитым Ногаем; в 1308 г. — вновь ханом Тахтаем. В 1343 г. она подвергалась осаде со стороны Джаниябека; в том же году имел место разгром Таны. Но очень скоро торговые итальянские города сделались необходимыми татарам как рынок, поставляющий им иностранные товары и потребляющий тот товар, который во множестве поставляли кочевники — рабов. Кафа очень рано приобрела роль порта для вывоза живого человеческого товара; в начале XIV в. кафинцы, не довольствуясь скупой пленников, похищали для вывоза татарских детей, чем навлекли на себя карательную экспедицию Тахтая. Из Кафы живой товар направлялся дальше на Восток — в Сирию и Египет. С другой стороны, к Кафе приставали суда, нагруженные тканями, видами одежды, оружием и другими товарами, предназначавшимися для татар. Кафа делается, таким образом, портом заграничной торговли для татарских племен, кочующих на полуострове, и это способствует установлению своеобразных отношений между ней и татарскими ханами. Рядом договоров, заключенных с самими ханами или их наместниками в 1356, 1380, 1381 и 1383 гг., Кафа добилась признания ее прав: почти на все южное побережье Крыма, где установилось своего рода двоевластие. Отказываясь от своих прав на территорию, ханы не отказывались от своего верховенства над татарским населением, живущим на этой территории. Для управления и суда над «канлу-

***Для Солхатского периода Крымской истории, кроме общих сочинений, главным источником служил В. Г. Тизенгаузен, сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, МБ, 1880, особенно помещенное в них описание путешествия Ибн-Бабуты, а также данные о раскопках, производившихся за последние годы в Старом Крыму. Ряд фактических данных почерпнут из работы Ф. Ф. Лашкова, «Исторический очерк татарского землевладения, напечатанной в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» (Прим. автора).

ками» (ханскими подданными) «южнобережной Кампании» хан назначал особого наместника-тулуна или титана, как его называли итальянцы. Одно время под непосредственной властью хана находились даже «Sobborghi» (пригород) самой Кафы. Так установился не совсем обычный *modus* между татарами и их итальянскими вассалами. Враждебные действия сменились мирными договорами, суверенные права делились между торговым городом и потомками Чигизхана, вчерашние враги гнали в итальянские порты своих пленников. Обоюдные интересы заставляли татарских феодалов и итальянских купцов приглядываться друг к другу и стараться поладить.

Кафа, почувствовав свою силу, особенно после договоров, заключенных в 80-х годах XVI в., начинает вести очень тонкую и не лишенную смелости политику в отношении татар. В разразившейся борьбе претендентов на ханский престол кафинцы искусно поддерживают отдельных из них, вместе с тем, охотно дают за стенами своего города приют тем из них, которые потерпели поражение. Чтобы сделать царствующего хана уступчивее, они держат у себя его соперников, иногда в качестве почетных гостей, иногда в качестве пленников. Создание независимого ханства в Крыму в значительной степени отвечало интересам генуэзских колоний, поскольку местный хан легче мог подпасть под их влияние. Поэтому сепаратистские тенденции крымской знати нашли себе поддержку с их стороны. С Хаджи-Герая Кафа, впрочем, не поладила и, после страшного поражения, нанесенного ее войскам при Солхате, должна была согласиться на уплату дани. Зато в лице его сына — Менгли-Герая, кафинцы, несомненно, думали подготовить себе «идеального государя», как выражается один из итальянских историков. Менгли-Герай, если верить некоторым известиям, провел молодость в Кафе и завязал теснейшие связи с кафинским купечеством; после смерти отца, отвергнутый братом Нурдаулетом, он в ней искал убежище: будучи ханом, наезжал неоднократно в гости к своим друзьям, которые чествовали его пирами. Но кафинцы оказали ему еще более существенную услугу, задержав в заточении его братьев, оспаривавших у него престол. Наконец, рассорившись с Эминеком ширинским, Менгли-Герай снова укрылся в генуэзские владения, где достигло его турецкое нашествие*. При Менгли-Герее ощущается в Крыму и значительное куль-

турное влияние Италии, которое, в частности, отразилось на деталях знаменитых ворот, находящихся в настоящее время в Бахчисарайском дворце**.

В половине XV в. в жизни Средиземноморья произошел переворот, который не мог не отразиться на судьбах Крыма. В 1453 г. пал Константинополь, и турки — османлысы сделались хозяевами восточной части Медитеранеи*** со всеми многочисленными разветвлениями ее торговых путей, выгодами которых победители не замедлили воспользоваться. Держа в своих руках южные берега Черного моря и владея ключом к входу в него — Дарданеллами, Оттоманская империя неизбежно рано или поздно должна была попытаться завладеть и торговыми портами северного его побережья. Уже морская демонстрация 1454 г. явно свидетельствовала о турецких планах; в 1475 г. правительство султана воспользовалось столкновением между Кафинской республикой и ширинским беєм Эминеком для отправки флота и захвата Кафы. Раздираемая внутренними столкновениями, теснимая с суши татарами Кафа, не могла оказать сильного сопротивления и пала после непродолжительной борьбы. Одновременно турки завладели и остальными итальянскими городами Крыма: Солдайею, Таною, Чембалю (Балаклава) и другими; взят был и неприступный Мангуп — резиденция княжеского рода потомков, может быть, готских конунгов.

Разгром итальянских колоний был произведен при содействии татарских феодалов, вступивших в союз с турками. Но интересы союзников в значительной степени расходились. Если татары воспользовались турецкой артиллерией для принуждения к сдаче неприступных генуэзских замков, то и турки со своей стороны отлично учитывали торговое значение завоеванных ими гаваней. Порта поэтому, не превратив на северную, степную, часть Крыма, оставила в своих руках всю южную береговую линию с Кафой, Солдайею и другими генуэзскими городами, Мангуп, господствовавший над горным Крымом и на Азовском море — Тану (Азов), образовав из них особый санджалык с центром в Кафе. В Кафе сидел отныне турецкий паша, представитель власти падишаха, и стоял сильный турецкий гарнизон.

Перейдя в новые руки, Кафа не утратила своего значения как торговый порт Крыма. Шарден, посетивший ее в середине XVII в., в течение своего сорокадневного пребывания в городе отмечает прибытие более 400 кораблей, не считая фелук, ходивших взад и вперед вдоль

*Об этом периоде истории Крыма см. статью Л. П. Колли — «Хаджи-Гирей и его политика». (Изв. Таврич. арх. уч. ком., № 50) и «Падение Кафы» (там же, № 54—55), а также «Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов», 1 т. «Записки Одесского общества истории и древностей». (Прим. автора)

**Эрнст. — «Бахчисарайский ханский дворец и архитектор в кн. Ивана III Фризин Алевиз Новый» (Изв. Тавр. о-ва ист. арх. и этнограф. № 11(55)) (Прим. автора).

***Средиземноморье (лат. яз.)

берега. В XVIII в. в кафинскую гавань приходили суда из Константинополя, Бургаса, Трапезунда, Синопа, Амасии и других городов Малой Азии и Румелии и даже каравелл из Александрии; она насчитывала, будто бы, в то время до 80 тыс. жителей и казалась современникам маленьким Константинополем (Кучук Стамбул). Через Кафу шли в XVI—XVII вв. из Константинополя товары, имевшие спрос у крымских татар: западноевропейские и восточные материи, предметы роскоши, фаянсовая посуда, табак и проч. Со своей стороны и Крым через кафинскую гавань вывозил в Константинополь рыбу, рабов и хлеб. Особенно крупное место занимал экспорт в Константинополь хлеба. Уже с 1581 г. мы имеем точное известие о значительных размерах такового. О том же пишет Шарден в XVII в. В середине следующего столетия, по сведениям Пейсонеля, из крымских портов ежегодно выходило от 100 до 150 судов, груженых хлебом для столицы Оттоманской империи; кроме пшеницы, вывозился и ячмень (до 60 судов). Значение Крыма в деле продовольствования Стамбула было настолько велико, что султанским фирманом было воспрещен вывоз из него хлеба в каком-либо ином направлении. Ежегодно в Кафу или к другим заливам приходили из Царьграда капанские, т. е. казенные суда, с султанскими ярлыками и с полным грузом товаров, которые, продав, наберут изнутри Крыма хлеба»; приходили за хлебом и частные суда из Царьграда и из Анатолии, снабженные тоже «ярлыками». Итак, начиная с XVI в., Крым с его плодородными равнинами делается житницей Константинополя. В XVIII в. хлебный экспорт в значительной доле находился в руках хана, который продавал «на корабли» ежегодно от 12 до 40 тыс. четвертей различного хлеба, поступающего в казну в виде десятины. Константинополь же потреблял в большом количестве и другой товар, поставляемый крымцами, — рабы. Еще в XVIII в., по отзыву Пейсонеля, «торговля рабами была очень значительной». Главный контингент их в то время составляли черкесы, грузины, абхазцы и калмыки. Крымские купцы ездили на Кавказ и в калмыцкие улусы и покупали там невольников в обмен на свои товары и привозили их на продажу в Кафу, куда съезжались купцы из Константинополя, Малой Азии и Румелии, в XVI—XVII вв., спрос столицы султана на рабов способствовал усиленным военным предприятиям в порубежных областях Литвы, Московской Руси и на Кавказе. Из года в год отдельные царевичи и султаны выступали во главе экспедиций на поиски живой добычи. Добыча эта затем препровождалась по-прежнему в Кафу, которая и в XVI—XVII вв. продолжала оставаться крупным рынком живого товара, «ненасытной и незаконной пучиной, кровь нашу пьющей», по образному выражению Михаила Лит-

вина, куда ежегодно приходили из-за моря корабли, привозившие татарам оружие, одежды и лошадей, чтобы отойти нагруженными рабами. Но если потребность в живом товаре способствовала сохранению и развитию старых разбойничьих навыков кочевой орды, то, наоборот, спрос на хлеб заставлял переходить к более интенсивному земледелию. В годы своей независимости Кафа снабжала Константинополь пшеницей наивысшего качества, но разгром генуэзских колоний не мог не привести к сокращению посевной площади колонистов, и требования константинопольского рынка должны были поэтому побудить самих татар к частичному переходу к земледелию. Этот переход произошел, по-видимому, в XVI в. Турецкие историки приписывают Сагиб-Герая энергичные мероприятия для понуждения своих подданных к отказу от кочевого быта и к землепашеству. «Сагиб-Герай, достигнув полновластия, — пишут они, — обратил все свое внимание на устройство своего народа, чем и приобрел бессмертную славу. Жители Крыма не имели до него жилищ, а вели жизнь кочевую, переходя с места на место. Сагиб-Герай приказал ломать телеги, служившие им для переездов и перевозок семейств и имущества и назначил им постоянные места жительства, дав каждому достаточное количество земли и приказав строить дома и деревни на (всем) полуострове Крымском от Ферх-Кермана (на перешейке) на севере до Балаклавы на юге и от Кафы до Гезлеве». Понятно, что здесь историк приписал деятельности хана тот процесс, который происходил стихийно под давлением экономических запросов. Уже в ярлыках, выдаваемых ханами в XVI в., упоминаются «пахотные земли», «нивы», фруктовые сады и мельницы. Дольше прочих татар навыки кочевого быта сохранились у ногайцев, но в XVIII в. и они, по словам Пейсонеля, «запахивают значительные пространства земли и производят огромную торговлю зерном». Технические приемы обработки полей крымскими татарами были, правда, еще в XVIII в. очень невысокие. «Небрежности и плохим приемам обработки следует приписать бесплодность почвы», — пишет Рейн. В ходу были плуги, в которые «впрягалось по восьми и по десяти тощих волов» и «бороны из колочего хвороста, прикрепленного к бревну», которые «нимало не производят желаемого успеха»; на степи хлеб косили косами, а в Южном Крыму жали серпами; молотили лошадьми, «обминая в день порой до 180 снопов»; зерно хранилось в ямах. Несмотря, однако, на примитивность татарского земледелия, оно при плодородии почвы доставляло значительные излишки, которые и шли на экспорт в Константинополь. Любопытно отметить, что уже в XVI—XVII вв. татарская знать, очевидно, в целях коммерческих заводит сравнительно крупное земледельческое хозяй-

ство, обрабатывая, по свидетельству Броневского и де-Луки, свои поля «посредством венгерских, русских и молдавских пленников, которыми пользуются как скотом». Сеяли пшеницу, рожь, ячмень, просо. Перед русским завоеванием урожай в Крыму определялся в количестве от 120 тыс. до 400 тыс. четвертей в год. О том, что хлеба более, чем с излишком хватало на продовольствие Крыма, свидетельствует его дешевизна. Наряду с хлебом в Крыму распространяется и культура других растений, в частности, льна (особенно в районе Алушты); при этом практиковалась особая система орошения, отчего «лен бывает высок, добротен»: «крымский» лен потому очень дорого ценился. В XVIII в. разводился табак; делались попытки разведения риса, культура которого давала крупные барыши. По-видимому, очень рано, по крайней мере с XVI в. были заложены и начатки садоводства. Столица Крымского юрта получила свое название от садов, среди которых выросла резиденция Гераев. Такие же упоминаются у ханов и сады на Альме. Были бахчи и сады с фруктовыми деревьями и у частных землевладельцев. В XVII—XVIII вв. в Крыму разводились синопские яблоки, сливы, вишни, черешни, каштаны, грецкие орехи, арбузы, дыни, тыквы, огурцы и другие овощи. Рейи, посетивший Крым в первые годы XIX в., рассказывает, с какой гордостью ширинский бей, у которого он был в гостях, обращал его внимание «на многочисленность и красоту плодовых деревьев (в его саду) и говорил: «Утверждают, будто татары ничего не сажают, а разве русские посадили эти деревья?» Наконец татары наряду с христианами разводили в Крыму «виноградные сады», которые упоминаются уже в XVII в. По отзыву Пейсонеля в Крыму выделялось в его время «неимоверное количество вина» для экспорта и особенно для России. В общем итоге, в XVIII в. большая часть татарского населения Крыма перешла к земледелию и оседлому образу жизни. Взгляд с удовольствием отдыхает, — пишет тот же Рейи, — на татарских селениях, разбросанных среди рощ, групп высоких топей, обработанных нив и лужаек, орошаемых Салгиром».

Спрос на продукты земледелия иностранных рынков вызвал со стороны татарских феодалов стремление повысить доходность своих земель и расширить эксплуатацию подвластного им населения. Если в XVI—XVII вв. земля обрабатывалась посредством рабов — «ясырей», то в XVIII в. уже оказывалось очень выгодным сажать их на землю на положении крепостных; так во владениях мансурского бей освобожденные «от ясырства» люди работали на него три дня. Наряду с вольноотпущенниками в крепостную зависимость попадали малоимущие клиенты, которые, «быв без пристанища», обращались к землевладельцу за «милостью и покровительст-

вом» и в чаянии получить какую-либо «милость» соглашались поневоле служить ему «во всю жизнь». Наконец, татарские феодалы постепенно усиливают эксплуатацию живущего на их землях свободного населения. Накануне русской аннексии татары, сидевшие «на мурзинской земле», принуждены были платить владельцу десятину «с хлеба по снятию оного» и несли барщину, правда, более легкую, чем в странах с более развитым крепостническим строем — «на сенокос же и на жатву... два дня хаживали и больше, сколько с помещиком условятся» (иногда 8—12 дней); к этим обязательным работам привлекались по властному «приглашению мурзы» также жители «соседственных деревень», к значительному помещику должны были приходиться даже «с повозками». Наблюдалось со стороны феодалов стремление лишить подвластное население права свободного передвижения, выражавшееся в попытках возвращать «насильно» уходившего из селения «из-за недовольствия в помещику или по какой другой причине», в чем «некоторые помещики по могуществу своему и успевали». Таким образом, мы присутствуем в XVIII в. при установлении крепостнических отношений в Крыму: и тут, как в Московском государстве XVI в., решающую роль сыграл рост рыночного спроса на продукты земледелия.

Наряду с земледелием скотоводство продолжало играть очень крупную роль в хозяйстве крымских татар, особенно в северных частях полуострова. Севернее Перекопа ногайцы не только в XVII в., но и в XVIII в. в своей массе оставались по-прежнему кочевниками скотоводами. Но крымское скотоводство теперь тоже работает на иностранный рынок. В XVIII в. в Константинополь, в Малую Азию и в Румелию в большом количестве вывозятся коровье масло, овчины (в частности мерлушка), грубая овечья шерсть, войлоки, овечьи шубы, торбасы из козьей шерсти. Масло, по словам Пейсонеля, составляло «главный продукт татарской торговли»; Крым ежегодно производит его от 3 тыс. до 4 тыс. татарских квинталов. В Кафе, Гезлене и Перекопе идет оживленная торговля кожами, сафьяны идут в Константинополь, в Бессарабию и на Кавказ. Некоторый спрос на крымских лошадей и верблюдов предьявляется Трапезундом, Синопом и Малой Азией, а также кавказскими горцами и калмыками. Ногайцы ведут значительную торговлю скотом, лошадьми, кожами, шерстью, маслом и молочными продуктами с Польшей, с казаками и с очаковскими и бендерскими турками. Требования экспорта способствуют усилению эксплуатации и природных богатств полуострова. Крымский мед, славившийся своими качествами еще в XVI в. идет в Константинополь и Малую Азию. Туда же везут продукты охоты, а именно — лисьи меха. Важную отрасль экспорта составляют про-

дукты рыболовства: соленая рыба и икра; впрочем, рыбный промысел был, по-видимому, преимущественно в руках крымских греков, а не татар. Большое значение в иностранном вывозе имела также соль, доставляемая соляными озерами на Перекопском перешейке, близ Гезлеве и близ Керчи. Соль направлялась в Константинополь, в Малую Азию и в Абхазию, с другой стороны, за ней приезжали обозы русских казаков из Украины. В целях экспорта «на корабли» добывалось в окрестностях Инкермана и Саблы* так называемое «земляное мыло», имевшее большой спрос среди константинопольских красавиц. Наряду с торговлей наблюдается развитие и ремесел, главным сосредоточением которых делаются Бахчисарай и Карасубазар**.

Надо отметить ремесла, связанные со скотоводством: производство войлоков, выделку кож и сафьянов; славилась производство крымских седельников, и седла крымской работы вывозились за границу: на Кавказ, в Молдавию, даже в Польшу и Россию. Далее следует ножовое и оружейное дело. Центром ножового производства был Бахчисарай, в котором в середине XVIII в., по подсчету Пейсонеля, было до 100 мастерских ножовщиков. Ежегодно изготовлялось до 400 тыс. ножей для вывоза во все окрестные страны — в Малую Азию, в Молдавию и в Валахию, на Кавказ, в Россию и в Польшу; высокое качество работы крымских ножовщиков настолько прославило их продукцию, что в Константинополе делались неудачные попытки подражания, вернее — подделки под крымские ножи. В Бахчисарае в XVIII в. выделяли также ружья, очевидно, вследствие необходимости повысить военную технику для войны с Россией. Указанные ремесла в значительной степени находились в руках самих татар, а не только их подданных — «райи»: греков, армян и евреев. Любопытно, что в XVIII в. местное производство делает слабые попытки удовлетворить спрос и на товары, привозимые из-за границы. Пейсонель отмечает опыты разведения тутовых деревьев и производства шелка. В Кафе он же отмечает наличие красильного ремесла.

В связи с развитием торговли и ремесла быстро растут города внутри полуострова, не говоря о портах, находившихся в руках турок. Тут на первом месте Бахчисарай, центр татарской ремесленной промышленности, насчитывавший несколько тысяч жителей; со своим великолепным дворцом, мечетями, банями и

водопроводом, с кварталами ремесленных мастерских и лавок, он был достойной столицей «падишаха двух морей», как титуловал себя крымский хан. Важным торговым и ремесленным пунктом был Карасубазар, служивший центральным рынком ширинского бейлика, где шла бойкая торговля кожами, маслом, шерстью, рожью, селитрой и т. д. Памятником былого его торгового значения до сих пор остаются развалины Караван-Сарая. Прозвонетал и единственный порт, оставшийся во владении татар Гезлеве (Козлов), куда приходили суда из Константинополя, Румелии, и Малой Азии и съезжались русские купцы. Перекоп, по выражению Пейсонеля, «служил складом всех товаров, которые идут сухим путем в Крым и обратно; все купцы держат здесь конторы для отправки туземных товаров за границу и для покупки товаров привозных».

На политический строй Крыма в описываемую эпоху наложило глубокий отпечаток турецкое завоевание.*** Подобно генуэзцам Оттоманская Порта находила выгодным для себя поддержать самостоятельность крымского ханства, чтоб легче господствовать на Черном море, и в этих целях вошла в ближайшие сношения с туземной знатью Крыма. Уже в 1454 г. начальник турецкого флота, крейсировавшего по Черному морю, завязал непосредственные отношения с Хаджи-Гераем, который в этих целях прикочевал со своей ордой в Кафе, возле которой стояла турецкая эскадра. Междоусобица, вспыхнувшая среди татар после смерти Хаджи-Герая, послужила одним из поводов для интервенции Порты, содействия которой усиленно требовал глава ширинских беков Эминек. Ссора нового хана Менгли-Герая с ширинцами ускорила развязку, и он сам попался в плен туркам при взятии Мангупа. В течение нескольких лет он оставался в почетном плену при дворе султана, пока непрекращавшиеся в Крыму смуты не вызвали нового вмешательства Порты в дела полуострова. Инициаторами этого вмешательства явились опять ширинские беки во главе с Эминекком, который обратился к «высочайшему» двору с прошением: «Слышали мы, — говорил он, — что владелец наш находится у вас: умоляем ваше величество прислать его к нам, не мешкая, так как за неимением царя все дела наши пришли в расстройство. Пусть весь край будет собственностью султана, а Менгли-Герай хан пусть будет его наместником». Так, под эгидой султана, при содействии крымской

***Материалом для изображения политического строя Крыма под властью Турции послужили фактические сведения, собранные В. Д. Смирновым в его книге: «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.» — СПб., 1887. (Прим. автора).

*Современное с. Партизанское Симферопольского района.

**Современный г. Белогорск.

знати, образовалось на полуострове ханство, находившееся в вассальной зависимости от Турции.*

Крымское ханство в своей структуре ярко отражало противоречие тех интересов, которые способствовали его образованию. С одной стороны, феодальная знать Крыма стремилась создать независимое государство, с другой — Турция хотела укрепиться на торговых путях Черноморья. В этих целях Порты удерживала в своих руках всю побережную линию полуострова с Кафой и другими торговыми гаванями, а местного татарского государя подчинила своему суверенитету.

Султан в качестве калифа присваивал себе положение главы магометанской церкви в Крыму; ему принадлежало поэтому право назначения крымского муфтия. В политическом отношении он сохранял за собою прерогативу назначения ханов с одним условием: выбирать из рода Гераев; в остальном, он был совершенно свободен в выборе и мог в любой момент сменить одного Герая и назначить на его место любого из его родственников. В ожидании возможной милости добровольно или в изгнании при дворе падишаха всегда проживала куча царевичей из дома Гераев, на лобом из которых он мог остановить свой выбор, когда действия царствующего хана переставали его удовлетворять или последний умирал. Это присутствие «при высоком пороге» плеяды кандидатов на престол являлось средством держать в повиновении того из Гераев, который занимал в данное время престол, — прием, унаследованный, как мы видим, из практики Кафы. Инвеститура обставлялась известной торжественностью. На «высочайшей» аудиенции султан напутствовал нареченного хана традиционной фразой: «Ты воспитан моими щедротами; я тебе даю ханство и посмотрю, каков ты. Ты должен душой и телом стараться под августейшим моим покровительством. Я ожидаю услуг от тебя». Затем хана облекали в соболью шаль, опоясывали парадной саблей и вручали перо из драгоценных камней для ношения на головном уборе, после чего султан отпускал его, присовокупляя несколько слов предостережения: «Берегись, и не мочи ни на одну точку сдвинуться с компасного круга послушания!». Чтобы обеспечить это послушание, султаны первоначально брали заложников из сыновей хана; так, Менгли-Герай со-

гласился отпустить для такой роли своего сына, молодого Сеадета. Впоследствии эта предосторожность стала излишней, так как малейшее отклонение «от компасного круга послушания» немедленно влекло низложение непокорного и замену его другим ханом. Фактически ханы были в полной зависимости от султана, и известен случай, когда один из них (Инайет-Герай) был казнен в Константинополе. Основной обязанностью татарского хана была военная помощь, которой турки очень дорожили. В войнах, которые почти непрерывно вели турецкие султаны в Европе и в Азии, непременно участвовали вспомогательные татарские войска, обычно под начальством самого хана. Эта повинность, ложившаяся чрезвычайно тяжело на крымских татар и нередко вызывавшая резкие столкновения татарской знати с ханом. В 1691 г., например, когда татарам пришлось зимовать за Дунаем, терпя стужу и страшный голод, «ширины, ногайские беки и прочие татарские вельможи» приступили к сыну хана, заменявшему в звании калги отсутствовавшего отца, и наговаривали ему ужасных вещей: «Пошли, господи, бедствия на тебя и на отца твоего! — кричали они, изрыгая проклятия и ругательства. — Вы нас подвергаете таким бедствиям, вы хотите извести нас, вы разорили очаги наши. Какое дело нам до этого похода, чтоб заставлять нас таскаться здесь зимой и претерпевать такие бедствия? Твой отец опять уехал в Стамбул облизывать османские блюда. Мы не хотим, чтоб он дольше был ханом, а ты калгой!.. Чтоб вас обоих бог лишил существования!»

В награду за службу хан получал от султана подарки, определенное денежное жалованье из сумм кафийской таможи и имения в Молдавии в качестве лена. Внешне он был оставлен всеми прерогативами чести и власти. Он пользовался правом «хутбы», т. е. имя его упоминалось во время общественных молитв, а в этом заключался признак суверенитета; имя султана произносилось после имени хана, но только через 100 лет после Менгли-Герая крымские ханы добровольно установили «похвальный обычай» произносить на первом месте имя своего сюзерена. В походе перед ханом несли четырехбунчукное знамя. По прибытии в турецкую армию он принимался с исключительным почетом и окружался демонстративными проявлениями уважения не как вассал, а скорее как союзник. Некоторые ханы пользовались большим авторитетом при дворе султанов и с их именем очень считались, так как в их лице говорил предводитель больших вспомогательных сил. У многих из них были влиятельные связи в Стамбуле. Некоторые из Гераев, как Селим-Герай или Гази-Герай, прославившиеся особенно в походах, могли поэтому оказывать давление на политику Порты. Довольно сказать, что когда в

*О воцарении Менгли-Герая, кроме названного сочинения Смирнова, см. у Вельяминова-Зернова. «Исследования о Касим. царях и царевичах» в «Трудах Восточного отдела императорского архивного о-ва», ч. X, 1863, стр. 100 и следующие статьи Л. П. Колли — «Хаджи-Герай и его политика» («Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 50) и «Падение Кафы» (там же, № 453—454). (Прим. автора).

1597 г. султан решился казнить Сатырджипашу, приятеля Гази-Герая, то произвел это тайком, опасаясь того впечатления, какое казнь эта может произвести на хана; к хану по этому случаю сочли нужным отправить специальную делегацию, и сам визирь сделал ему визит. Наоборот, Девлет-Герай, разгневавшись на визиря Мехмет-пашу за заключение невыгодного Прутского мира в 1711, уехал из армии лишь после того, как добился смертного приговора неудачливому дипломату.

Существует мнение, что протекторат султана, под которым находился Крым, способствовал длительному сохранению Крымским ханством его независимости. Хотя эта точка зрения может казаться правдоподобной, особенно в виду того, что потеря Крымом независимости совпала с падением военного могущества Порты, но, по существу, она совершенно неправильна. Наоборот, своим постоянным вмешательством в дела Крыма султаны подрывали внутренние силы этого государства, обрекая, на жалкое прозябание. Оно ослаблялось беспрестанными сменами ханов. Редкий Герай просиживал на престоле более нескольких лет. Особенно показателен пример знаменитого Хаджи-Селим-Герая, который трижды, с перерывами, занимал крымский трон, получая в промежутках отставку, несмотря на многочисленные связи в Константинополе и на популярность среди татар. Один из представителей ханского дома историк Мухаммад-Герай в ярких красках описывает вредные последствия этой политики постоянной смены ханов. «А того не хотят знать, — пишет он, — что ханы тоже древнего царского рода, что они также тень божья, что отставка им горше смерти, что по священному закону Мухаммедову царям отставку давать не так легко: надо, чтоб они были нечестивы». Арслан-Герай хорошо показал, к чему приводила политика султана. На вопрос французского резидента Пейсонеля, почему он не проводит в жизнь реформы, необходимость которых он сам признавал, он отвечал, что не стоит что-либо предпринимать, так как продолжительность правления хана всецело зависит от воли или каприза турецкого императора, а преемник его продолжит все, что им будет сделано.

Вмешательство Порты не ограничивалось назначением хана, и в дальнейшем правительство султана входило во все мелочи управления, тормозя на каждом шагу деятельность своего вассала. Недаром Ислам-Герай, удостоившись милостивой аудиенции у малолетнего в то время султана Мюрада IV, обратился по выходе из аудиенц-залы к визирю с не лишними горькой правды словами: «Так как вы сделали меня татарским ханом, то впредь подставляйте ухо к тому, что я буду писать. Не осаждайте меня предупредительными письмами, чтоб с таким-то гуяром не хмуриться, такого-то не огорчать,

такому-то показывать расположение, с таким-то ладить, с таким-то поступать! Заглазно давая отсюда распоряжения по тамошним делам, не путайте меня, чтоб я знал, как мне надо действовать.»

Изнуря Крым бесчисленными походами, Порта ни разу не оказала действительной поддержки своим вассалам для защиты от неприятеля. Наоборот, в момент опасности для Крыма со стороны внешнего врага она эгоистично требовала подмоги и присутствия хана с татарскими войсками в своей армии, как это было, например, во время похода Голицына на Перекоп и осады Азова Петром. Чтоб легче держать под своею властью Крым, она, по принципу «divide et impera» всечаски поддерживала внутри ханства борьбу партий, натравливала татарскую знать на ханов, пользовалась в тех же целях зависевшим от султана как от халифа духовенством и развращала подачками, милостями и опалами и самих ханов и их окружение. Можно скорей удивляться, что при таких условиях Крым так долго сохранял свое политическое бытие. До конца XVII в. его спасали степи; в XVIII в. политика слабого между двумя сильными враждующими соседями и маневрирование между ними, которое, впрочем, лишь ненадолго могло отдалить момент катастрофы.

Как отразилось подданство турецкому султану на внутреннем строе Крымского юрта? Несомненно, что султанская инвестирующая придавала внешний блеск ханской власти. Как по мановению волшебного жезла, хан, говоря официальным языком султанских грамот, превращался в «первосвет утра счастья; зрачок глаза благополучия; свет очей надежды; факел дома мужей утверждения; блестящую звезду хаканского востока; потомка ханов режителей; радостный исход правды и милости». Очень рано ханы окружили себя заимствованными у Константинополя роскошью и блеском, долженствовавшими выявить в материальной форме новое политическое значение потомков Хаджи-Герая.

Уже Менгли-Герай строит себе великолепный дворец в Салачике*: при нем же или при ближайшем его преемнике возникает дворец в Бахчисарае. В подражание константинопольскому дворцу устанавливается придворный церемониал и этикет. Но эта заимствованная со стороны внешность не должна скрывать от нас реальной стороны ханской власти на месте.

Мы видели, что в образовании Крымского ханства участвовали две силы: во-первых, туземная феодальная власть; во-вторых, политика держав, заинтересованных в господстве на чер-

*Современное Староселье, восточное предместье Бахчисарае.

номорском рынке. Эта двойственность и отразилась на всем строе татарского государства в Крыму в описываемую эпоху. Получив соболью шубу и соответствующее напутствие от султана, хан, по приезде в Крым, попадал в совершенно иную обстановку.

Разбитый на почти независимые от хана бейлики Крым являл картину полного феодального раздробления. С другой стороны, стародавние родовые устои медленно уступали развивавшемуся феодальному строю и накладывали на него своеобразный отпечаток.

В самой фамилии Гераев родовые традиции были очень еще крепки и уживались с установившимися формами феодального строя. Даже под турецким владычеством твердо держалась фикция перехода ханского престола к старшему в роде; поэтому если налицо имелся более старший родич, то при появлении нового хана, он должен был покинуть Крым, чтобы назначенный хан был здесь действительно в данную минуту не только ставленником султана, но и старшим в роде. Члены Гераяского дома имели каждый свои уделы, свои улусы и городки, в которых были полновластными государями. Для наиболее видных родичей были созданы и особые должности, связанные со значительными ленными владениями. При Менгли-Герее возникла должность калги. Калга пользовался доходами с домена на реках Альме и Салгире, имел свой двор и свое войско. До сих пор можно видеть в окрестностях Симферополя развалины прекрасного, в мавританском стиле, дворца калги, построенного в XVIII в.*

Калга назначался ханом, по обычаю требовал, чтобы эту должность занимал старший после хана по родовой линии родственник, обычно брат. Несколько ниже по своему положению был нуреддин, назначавшийся тоже из ханской родни. Итак, фамилия Гераев не утрачивала, по крайней мере в теории, родовой связи между ее сочленами. К хану прочие Герая попадали в сложные отношения: он был для них одновременно и ставленником султана, облеченным высшей властью благодаря инвеституре наместника пророка, и феодальным синьором, и, наконец, родовым старшиной.

Но настоящими хозяевами внутри ханства оставались могущественные местные феодалы, создавшие при содействии Турции Крымское государство. Местная знать — беки и мурзы — при новом порядке вещей становились в вассальную зависимость от хана, который, со своей стороны, утверждал за нею ее владельческие права на землю и на улусных людей и те иммунитеты, которыми она пользовалась. Так, бывшие родовые беки превращались в приви-

легированных вассалов хана, не утрачивая своего владельческого положения. На первом месте оставались упомянутые выше древние фамилии беев ширинских, яшловских, аргынских и барынских, к которым впоследствии присоединились ногайские беи сыджеутов и мансуров. Они и под ханской властью сохраняли свои «бейлики», т. е. княжества. В своих владениях они оставались полновластными государями, собирали подати с христианского и еврейского населения, раздавали земли в лены своим людям, производили суд через своих кадиев. В походе они выступали во главе своих военных вассалов и, подобно средневековым баронам, вступали в феодальные войны не только между собой, но и с иностранными государствами; в течение XVI и XVII вв. они неоднократно, без разрешения хана, совершали набеги на русские и польские пределы, и даже в 1681 г., при заключении Бахчисарайского мира русским дипломатам не удалось добиться от беев отказа от этих частных военных предприятий.

У себя дома эти феодальные государи копировали обстановку ханского двора; у ширинов был дворец в Эски-Крыме, где проживал старший из ширинских беев, окруженный чисто царской роскошью; у него были учреждены те же придворные звания, как и в Бахчисарае: свой калга, свой нуреддин, свой муфтий и кадий, которые составляли «диван» — государственный совет бейлика. У барынских беев тоже были свой нуреддин, кадиаскар и каймакан (наместник). Политическая роль этих крупных вассалов была совершенно исключительная. Старшие беи являлись прирожденными советниками — «карачами» хана, членами его «дивана», без согласия которых хан ничего не мог предпринять: ни объявить войну, ни заключить мир, так как реальная сила была на их стороне и фактически решение беев имело больше значения, чем решение самого хана.

Стоило хану обойтись недостаточно уважительно с ширинским беем, как у подножия Белой скалы (Ак-кайа), возвышающейся над Карасубазаром, оскорбленный собирал своих союзников и вассалов на военный сбор и хан должен был уступить. В Крыму русским послам прямо говорили, что «не ханами дела делаются, а ими, ближними людьми и великими беями и карачаями», потому что «без карачаев, как царству стоять?»

Иностранцы, наблюдавшие политический быт крымских татар в XVIII в., называли поэтому беев «соправителями ханов». В случаях исключительных хан созывал на «земную думу», как выражаются древние историки, т. е. на древнетатарский курултай, не одних беев, но и членов своей семьи и всех своих вассалов. Но и тут первый голос принадлежал старшим представителям бейских фамилий.

Несмотря на верховенство Порты, крымские

*Находился в устье Петровской балки, до наших дней руины не сохранились.

феодалы оказывали значительное влияние на замещение ханского престола. Смена и назначение хана обычно производились по требованию знати; бывали случаи, когда, не дожидаясь утверждения султана, беи совершали церемонию избрания по старому монгольскому обряду поднятием новоизбранного хана на войлоке, и, наоборот, низвергали и даже убивали неугодного хана, как это имело место, например, в 1523, 1524, 1584.

Очень часто, таким образом, султанское назначение сводилось к утверждению в должности хана кандидата, выдвинутого феодалами.

Герои тяготились своей зависимостью от знати. Один из них, историк Мухаммед-Герей, в желчных изречениях оплакивает бессилие государей из своей семьи.

«Взять беков и мурз в руки» при помощи султанов и составляло заветную мысль многих ханов. В этих целях они создали, по образу турецких янычар, собственную гвардию, так называемых кашы-кулу, т. е. рабов при дверях, представлявшую военную силу, зависевшую исключительно от них самих, и пытались, таким образом, противопоставить феодальной знати это новое служилое дворянство. На содержание гвардии требовались значительные расходы и Герои ввели в конце XVI в. особый налог, состоявший в доставке на ханскую кухню 12 тыс. баранов для продовольствия царских «тюфейкджи» (стрелков).

В первой половине XVIII в. между крымской знатью и Гераями возгорелась открытая борьба. Шириновский бей Джан-Тимур-мурза по очереди свергал одного хана за другим. Наконец, хан Менгли-Герей (1724—1730 гг.) добился от духовенства фезвы* с разрешением истребить бунтовщиков и подавил мятежнические выступления пиринов.

Политическое значение крымской знати оставалось в полной силе до самого падения Крымского ханства, когда русские дипломаты искусно использовали борьбу феодалов с ханами, чтобы добиться своих целей. Таким образом, несмотря на подчинение Турции, Крымский юрт и в XVI и в XVII и даже в XVIII вв. сохранял типичные черты феодального раздробления, при котором хан является лишь первым среди могущественных вассалов.

Турецкое завоевание в одном отношении оказало известное влияние на социальную и

политическую структуру татарского общества. Под эгидой султана, наместника пророка, магометанство не только прочно утвердилось в Крыму, но и нашло себе отражение во всем его строе. Рядом с родовой и служилой знатью возникает знать духовная — «улема», магометанская церковь с ее большой и сложной иерархией. Я не буду здесь останавливаться на чисто религиозных функциях этой знати и буду говорить только о той роли, которую она сыграла в политическом быту Крыма. По своему социальному положению магометанское духовенство примыкало к феодальной знати. Некоторые духовные должности, как, например, звание шейхов, т. е. настоятелей монастырей, являлись своего рода *fief offices*, передававшимися со всеми принадлежавшими им земельными и иными правами от отца к сыну; ханские ярлыки обеспечивали духовным лицам пользование всякими иммунитетами. Это крупные феодалы. Под покровительством шейха Абдурахмана в XVI в. состояло, например, «32 аула во всех местах их кочевий».

Но идеологически духовенство являлось проводником чуждой широким массам татарского населения турецкой и арабской культуры, отражавшей гораздо более развитый феодальный строй, чем тот, который существовал в Крыму.

Влияние Константинополя выразилось в усилении магометанства в Крыму не только как религии, но и как теории права. Из-под ферулы** турецкого султана будущий властитель Тавриды выходил «послушный законам шариата и склонный к правосудию», как сказано в 1657 г. про Бегадыр-Герая, воспитанного в Молдавии. Вся система семейного и имущественного права строилась в Крыму всецело на основах шариата, и суд по гражданским делам сосредоточивался в руках духовных правителей, возглавляемых верховным духовным судьей — кади-аскером. Однако окончательное торжество мусульманского права не обошлось без ожесточенной борьбы со старым татарским обычаем — с чингизовской «торэ».

Селим-Герая (в XVI в.) татары обвиняли в том, что он «слишком уж подчинился влияниям царей османских и совершенно упразднил торэ чингизскую; применяя ко всякому делу шариат, он причинил вред Крыму».

Его преемник Мюрат-Герей восстановил действие «торэ», назначив особого блюстителя татарского обычая «торэ-баши» и не только отменил действие шариата, но и уничтожил должность кади-аскера. Но этот возврат к старине вызвал оппозицию со стороны магометанского духовенства, которое восстановило народ против судебной реформы хана, внушив представление об ее греховности. Хан уступил, и

**Розга, линейка для наказаний (лат. яз.).

шариат снова вступил в силу*. Могуществу и влиянию духовенства способствовала до известной степени его независимость от хана, так как муфтий назначался непосредственно из Константинополя и тем самым являлся всегда поборником интересов Порты, широко пользуясь правом «фезвы», т. е. толкования закона в туркофильском смысле. Все это придавало магометанскому духовенству исключительное политическое значение. Когда в конце XVI в. в Крыму одновременно появились два претендента на ханский престол — Гази-Герай и Фехт-Герай, оба — снабженные соответствующими указами из Константинополя, то возникшая по этому поводу контраверза, грозившая перейти в междоусобицу, была передана на решение законовдов и разрешена согласно мнению муфтия Азак-эфенди, которому беспрекословно подчинился весь Крым.

Политическое влияние духовенства заставило ханов искать с ним союза и наложило отпечаток своеобразной теократии на государственный обиход Крыма изучаемой эпохи. Хан крымский представляется в источниках своего рода главой религиозной общины, руководствующимся, или в идее должествующим руководствоваться, словами корана и советами духовных лиц и ученых богословов и правоведов, ибо «учение — суть сердце государства».

Тесные экономические и политические связи Крыма с Константинополем должны были неизбежно отразиться на общем культурном состоянии крымских татар, и они поддались очень сильному воздействию той утонченной цивилизации, воспринявшей и видоизменившей элементы персидской, арабской и греческой культур, которая так пышно расцвела в XVI—XVII вв. на берегах Босфора. Царевичи Герайского дома, воспитанные при Оттоманском дворе, приносили на свою дикую родину вкусы, приобретенные в столице падишаха. Уже сын Менглы-Герая, «милый, как глазной хрусталик», Сеадет-Герай, отпущенный отцом в качестве заложника к «Высокому порогу», получил здесь чисто турецкое воспитание: султан Селим «приложил наилучшее попечение к наилучшему воспитанию царевича, взял его в свой благородный гарем, что в императорском дворце, и по османскому обычаю повел его воспитание и образование с важнейших предметов, касающихся веры и государства». Эту турецкую школу прошли затем все поколения Гераев до момента падения их державы и, с своей стороны, в той или иной мере переносили на обстановку своего двора в

Бахчисарае навыки, усвоенные у «Высокого порога». Но культурное влияние Константинополя не ограничивалось тесными пределами ханского дворца. Товары, шедшие через Кафу из Турции и из Малой Азии, — материи и золотое кружево, ювелирные изделия, галантерея, фаянс, табак, и т. д. — были рассчитаны не на одни придворные круги. Татары, особенно принадлежавшие к высшим классам, перенимают турецкую одежду: мужчины носят константинопольские шелковые рубашки и фец**, обозначающий, по крайней мере с XVIII в., принадлежность к великой Оттоманской империи.

Крымские женщины стремятся подражать «константинопольским девушкам с тонкой талией и волосами, окрашенными хною», надевают фереджи*** и покрывала из муслина и тоже красят себе волосы. В обиход входят турецкие напитки — кофе и щербет, курение табака, турецкие бани. В домашнем быту высших классов устанавливается турецкая обстановка.

Когда в 1681 г. Ахмет-Ага Сулешев, представитель древнего рода яшловских беев, принимал у себя на дому русских послов, то в «избе» у него стены оказались «обиты завеси золотыми и бархатными, через полосу сшиваны», «портице на нем суконное, цветом мурад зелено, на соболях, турецким строем, глава его в белом завое (чалма)», «надуся поганой своей гордостью (он), сидел на коврах, облепился на бархатные золотые подушки»; москвичи отметили и внешнюю культурность своего хозяина «а образом и саном Ахмат-ага человек природный и речью свободен и тихословен». Процесс проникновения турецкой культуры к татарам зашел в XVIII в. так далеко, что турецкие моралисты видели в этом факте причину политического упадка Крыма. Они писали о правящих классах: «Когда в течение времени, — восклицает Ресми-Ахмед-эфенди, — довадывшись вместо бузы и толочна потягивать хашиш с опиумом да чай с кофе, стали (татары) лентяями и пьяницами, то их постигла слабость и апатия».

Одновременно с материальной культурой высшие круги татарского общества усвоили в Турции и вкус к изящной литературе, искусству и наукам. Среди Гераев XVI в. мы встречаем несколько поэтов, сочетавших военные доблести степняков с талантом стихотворства. Таков был Гази-Герай, хан с 1588 г. «благородный человек, искусный в музыке, прекрасный поэт, способный проявлять чудеса в метании стрел и в искусстве владеть оружием». Ему принадлежит

*Среди ногайцев, даже в начале XVIII в. магометанство еще не пустило крепких корней, и учителя ислами «не живут среди них, так как не могут приспособиться к их образу жизни». (Прим. автора).

**Головной убор красного цвета с кисточкой, имел вид усеченного конуса. Назван по месту производства, городу Фец в Марокко.

***Одежда турчанок в виде суконной накидки с широкими рукавами.

собрание од и стихотворений под заглавием: «Гюль ве боль-бюль», т. е. «Роза и соловей». Среди них были и сатиры, в которых он высмеивал пороки духовенства, и лирические стихотворения, в которых он воспевал время весеннее, «...которое возвещается нам соловьем, зовущим нас нежной и очаровательной песнью к красному вину и наслаждению», в частности поэма, посвященная «вину и кофе». Бегады-Герай, вступивший на престол в 1627 г. тоже сочинял стихи и каламбуры.

XVIII в. знает целую плеяду придворных поэтов, произведениями которых являются надгробные эпитафии на ханском кладбище в Бахчисарае. Таков поэт Хифзи, который в 1767 г. «прекрасным алмазным полустушием изобразил... хронограмму» умершего Арслан-Герая или Хамди, который в тонко задуманной эпитафии сумел сочетать скорбь по поводу смерти калги Сеадег-Герая с льстивым панегириком его сыну Бахт-Герая-Султану. Татарская поэзия восприняла общий тон персидской лирики, оказавшей сильное влияние на турецкую поэзию — сочетание грусти о мимолетности жизни с призывом к наслаждению и радости. «Не применяйся к миру, он не вечен», — вот мотив, звучащий в крымской поэзии, и наряду с этим — призыв к веселию: «Заботы в сторону! Во имя бога, посмотрите, сколь приятен юноша, подносящий вино!».

Влияние Турции на искусство нашло себе выражение, главным образом, в архитектуре правительственных зданий. Привыкшие к блеску оттоманской роскоши, ханы стремились создать у себя на родине некоторое подобие великолепия их сюзеренов. Менгли-Герай, как мы видели, построил в Салачике великолепный дворец «Ашлама», каменные резные ворота которого с высокопарной надписью до сих пор сохранились в Бахчисарайском дворце*. Самый Бахчисарайский дворец, возникший на месте ханской дачи, до сих пор, несмотря на изменения и искажения, которым он подвергся, представляет собой редкий образец восточного искусства. Сохранившиеся до наших дней обломки деревянных мозаичных потолков, отдельные детали, особенно резьба на камне, фонтаны — свидетельствуют не только о роскоши, но и большом вкусе создателя ханского дворца. Недаром на одном из его входов читаем: «Это здание, подобно солнечному сиянию, озарило

Бахчисарай. Смотри на живописную картину дворца, ты думаешь, что это — жилище гурий, что красавицы сообщали ему свою прелесть, что это — нитка морского жемчуга, неслыханный алмаз... Сад, разумно расположенный, говорит как бы языком... Это привлекательное место есть родник радости, и каждое на него воззрение будет волнующим морем наслаждения». Наряду с дворцами воздвигались мечети, в стиле константинопольских, в Бахчисарае: большая соборная Хиджи-Джами (1762—1769 гг.), «Зеленая» Ешель-Джами (1764 г.), Тахталы-Джами (1704 г.); в Евпатории — знаменитая Джума-Джами, подражающая архитектуре Ай-Софии, воздвигнутая еще в XVI в. и реставрированных в XVIII в. и другие мавзолеи над прахом умерших ханов и «святых» подвижников**. Здание медресе, фонтаны с их витиеватыми надписями и изящные водоемы, сложный водопровод, беспощадно разрушенные впоследствии русскими.

Наука в Крыму явилась в форме богословской схоластики корана. Очагами этой клерикальной науки были те медресе, которые основывались ханами из благочестивых побуждений и из которых наиболее известна медресе Менгли-Герая в Салачике. Из гуманитарных наук особенным распространением пользовалась история.

От XVII в. до нас дошли имена нескольких крымских историков: Хейр-Заде-эфенди, Абдул-Вели-эфенди, Мас-Уди-эфенди, шейха Мухаммед-эфенди, труды которых не сохранились. В XVIII в. неизвестный автор написал краткую историю крымских ханов, использовав обширное сочинение турецкого историка Мухаммед-Ризы «Семь планет». Последнего некоторые исследователи считают также по происхождению крымским татаринком. Были историки и в доме Гераев. События конца XVII в. и первых годов XVIII в. описаны Мухаммед-Гераем: позже писал Халим-Герай, автор истории крымских ханов под вычурным названием «Розовый куст ханов».

В области философии господствовало магOMETанское богословие, мало давшее простора самостоятельности мысли. Тем любопытнее отметить сочинения крымского мыслителя Абдул-Азизи-эфенди, сделавшего в XVII в. попытку создать собственную философскую систему. «Философия его, — по выражению Хартая, — представляет смесь скептицизма с религиозным мистицизмом». Не найдя разрешения своим ре-

*Имеются в виду так называемые «Демиркапу», Железные (Посольские) ворота, ведущие из Посольского сада в Фонтанный дворик. С. В. Бахрушин присоединяется к предположению о том что, первоначально резной каменный портал ворот находился во дворце Ашлама в Салачике и оттуда был перенесен в Бахчисарайский дворец.

**В оригинале текста статьи допущена опечатка. При правильной расстановке пунктуации следует читать так: «... — знаменитая Джума-Джами, подражающая архитектуре Ай-Софии, воздвигнутая еще в XVI в. и реставрированная в XVIII в., и другие; мавзолеи над прахом умерших ханов и «святых» подвижников; здания медресе...»

литигиозным сомнениям в каноническом мусульманском богословии, он искал его в экстазе и аскетизме. В результате он приходил к отрицанию радостей жизни, к полному умалению своего «я» и видел в этом залог счастья. Эта философия самоотречения не представляет собой, впрочем, ничего оригинального, отражая аскетические мотивы, господствовавшие в монашеских орденах Персии и Малой Азии.

Науки точные, как шедшие вразрез схоластическому канону корана, естественно не могли найти широкого поля развития среди крымской феодальной интеллигенции того времени, настроенной совершенно конфессионально. Как на попытку подойти к изучению природных явлений можно указать лишь на астрологию, имевшую adeptов при дворе ханов.

Современник и биограф Сегив-Герая (XVI в.), известный под прозвищем Раммал-Хаджи (предсказателя), «много прочел книг, относящихся к науке угадывания и выучил несколько книг наизусть, изучая это знание..., достиг в нем большого совершенства, приобрел известность в народе» и составил под заглавием «Рождество пророка» — «стихотворение в 20 частях созерцательной науки, из коих каждая заключает от 4 до 5 тыс. стихов».

Врачебное искусство было в руках иностранцев. Лейб-медиком Гази-Герая в 1706 г. был француз Ферран; Крым-Герая лечил грек Си-роло. В общем итоге на крымской почве создавалась в описываемую эпоху своя местная культура, воспринявшая и переработавшая многое из того, что дал магометанский Восток, культура, которая живет до сих пор не только в изящных памятниках XVI, XVII и XVIII вв., но и в быту татарского населения Крыма.

Говоря о воздействии турецкой цивилизации на Крым, я, однако, отнюдь не хочу сказать, что она убила самобытность национальной татарской культуры. Крым и под турецкой властью оставался Крымом со своими бытовыми культурными особенностями, обусловливавшими тем, что процесс феодализма еще не был завершен и пережитки родового быта налагали на жизнь крымских татар какой-то налет своеобразной патриархальности, которая уже исчезла в Турции с ее гораздо более развитыми формами феодализма.

Иностранцы путешественники, посещавшие Крым в XVIII в., подчеркивают постоянно различие, которое они наблюдали между турками и татарами, причем неизменно отдавали преимущество последним. По сравнению с турками татары представляются в их писаниях с чертами большой честности, учтивости и деликатности, прямодушия и доброжелательства. Немецкий купец Клееман, попавший в Крым незадолго до его покорения, не находит слов для выражения своего восторга татарами, в противоположность не только туркам, но и своим со-

отечественникам, и свое сочинение посвящает крымскому муфтию. Конечно, в этом восхвалении патриархальных добродетелей крымских татар XVIII в. есть доля сентиментальной идеализации народа, еще не утраченного связи с природой, — идеализация столь характерная для века Руссо. Но я думаю, что в основе эти наблюдатели были правы. Старая кочевая цивилизация татар, усвоив черты более высокой цивилизации, наложила на крымских татар особый отпечаток своеобразной культурности.

Крымцы, во всяком случае, никогда не хотели примириться с слиянием своего государства с Турецкой империей и всегда чувствовали себя от нее обособленной частью. Вассал Турции, крымский хан, оставался в своих глазах «вольным человеком», как титуловал себя Менглы-Герай; такими же вольными людьми считали себя все его подданные. До самого конца своего существования Крымский юрт проявлял сепаратистские тенденции, питавшиеся, главным образом, феодальной независимостью крымской знати. Когда султан потребовал заложников от Менглы-Герая, то это вызвало взрыв негодования среди мурз: «Разве мы слуги Османа, что ли? Что же разве он равняет нас с гяурами?.. Куда девались наши честь и достоинства, что падишах ведет подобные речи? Он еще, видно, не знает хорошенько рода Чингизова, что оскорбляет обычаи чингизские! Бже сохрани, чтобы мы сделали потомков Чингиз-хана рабами султана!». Таким образом, старые традиции степняков-феодалов поддерживали в татарах чувства независимости и чести, выражавшиеся в очень осязательной форме. Неоднократно мы стоим перед возможностью открытого разрыва с Портой и даже похода на Константинополь.

XVIII в. в истории крымского ханства является поворотным и заканчивается катастрофой. Северные берега Черного моря втягиваются в арену ожесточенной борьбы между экономическими интересами наиболее могущественных европейских держав. С одной стороны, нарождающаяся буржуазная Франция ищет новых рынков для сбыта произведений своих мануфактур. С другой — все растет угроза феодально-крепостнической России, неуклонно расширяющей к югу пределы своих колониальных захватов.

В первую очередь тут приходится отметить устремление торговых интересов Франции на юго-восточную часть Средиземного моря, побуждающее правительство «христианнейшего» короля к установлению дружественных отношений с Портой. Став твердой ногой в Константинополе и Леванте, французский капитал пробивается дальше в Черное море. В этом отношении чрезвычайно характерен трактат о черноморской торговле, составленный в 1750—1762 гг. французским агентом в Бахчисарае

Пейсонелем и специально посвященный вопросу о возможности развития французской торговли в Крыму.

К этому времени Крым уже был наводнен французскими товарами, главным образом, мануфактурой. Французские сукна (londrins) имели распространение по всему полуострову, и Пейсонель замечает по этому поводу: «Было бы весьма легко для французов захватить всецело в свои руки всю торговлю французскими сукнами в этой стране». За сукнами следует французские камлоты и японские шелковые материи. Но все эти товары далеко не всегда шли непосредственно из Франции, между ней и Крымом стояли константинопольские и бухарестские посредники. Татарские купцы покупали французские сукна в Константинополе редко у французских купцов, чаще у греков. Точно так же в Константинополе и Бухаресте приобретали крымские торговцы и французские шелка. Пейсонель настаивает на легкости захвата во французские руки всего импорта французских материй в Крым; более того, он считает возможным вступить в конкуренцию с Германией в поставке железных изделий (кос) для нужд татарского сельского хозяйства. Наконец, Крым представляется ему удобным пунктом для встречи с русскими купцами и приобретения русских товаров (пеньки, пушнины и др.) и для продажи им французских товаров.

Для достижения намеченной цели он предполагает основать специальную компанию на паях, в руках которой и сосредоточился бы весь черноморский торг. «Торг этот, — восклицает он, — должен давать громадную прибыль, раз турки и греки, при всем их неумении вести торговлю, наживаются все-таки очень сильно».

Торговые интересы Франции в Черном море толкают ее к энергичной дипломатической деятельности в Крыму. В Бахчисарае в XVIII в. появляются французские агенты, прикомандированные к ханскому двору, задачи которых — выяснить торговые возможности на полуострове и установить дружеские отношения с его повелителями. В Гезлеве (Евпатории) и Кафе имеют пребывание французские консулы. Рядом с официальными представителями Франции действуют негласные проводники французского влияния — иезуиты, у которых в Бахчисарае одно время был свой дом с молельней и богатой библиотекой. Очень скоро, однако, интересы Франции в Крыму сталкиваются с интересами России, простирающей тоже свои взгляды на «полуостровный край Тавриды».

Россию к Черному морю влекли не менее острые экономические интересы. Намечавшееся со второй половины XVIII в. крупное увеличение хлебного экспорта в хозяйстве русского помещика толкало к захвату на юге новых колониальных пространств для эксплуатации их крепостным трудом.

Черноморские степи, занятые аулами и кочевьями ногайских татар, представлялись русскому крепостнику не только заманчивой, но и необходимой ему для расширения земледелия территорией. Вместе с тем все сильнее ощущалась потребность в гаванях на Черном море для удобнейшего вывоза хлеба и других продуктов дворянских поместий за границу.

Мысль о создании на Черном море порта для иностранной торговли возникла уже в первые годы царствования Петра I, и только, когда по Карловицкому договору России пришлось отказаться от захвата Керченского пролива, без которого обладание Азовом было бесцельно, внимание русского правительства было перенесено на Балтийское море.

Отсюда, начиная с конца XVII в. — агрессивная политика России в отношении Крыма, отсюда — ряд походов на Перекоп. Неудачная экспедиция Голицына, осада Азова Петром, походы Миниха и Ласси, наконец, походы, подготовившие аннексию Крыма в царствование Екатерины II.

Франция ревниво следила за наступлением России на Крым. Ее агенты не только собирали сведения о крымской торговле и промышленности, но, в качестве тайных политических советников, вели сложные интриги при Бахчисарайском дворе. Достаточно сказать, что знаменитый набег Крым-Герая на Подолию в 1769 г. был в значительной степени внушен французским правительством и что французский агент барон де-Тотт сопровождал хана в его грабительском походе.

Крым, таким образом, попадал в очень сложную политическую конъюнктуру, при которой сохранить свою независимость крымским татарам было невозможно. Феодалная Турецкая империя уже накануне своего краха, в борьбе за сохранение былого политического престижа не только не могла поддержать своего крымского вассала, но, наоборот, интересовалась им лишь постольку, поскольку могла использовать человеческую массу полуострова как пушечное мясо для войны. Накануне окончательного уничтожения Крымского ханства один из умных и практических государственных деятелей Порты — Ресми-Ахмет-эфенди почти цинично подвел итоги многовековому союзу Турции с Крымом: «Крымские татары, — пишет он, — с давнего времени были бременем для высокой Порты. Этот народ беспокойный и зловецкий... Знаатокам истории известно, что татары именно всегда были причиной разрыва мира между нами и Москвой и враждебных предприятий ее против Порты».

Иначе говоря, при изменявшейся ситуации, когда выяснилось, что татары бессильны в регулярной войне, от них отвернулись, бросили прочь, как выжатый лимон. Единственная держава, для которой Крым был нужен исклю-

чительно как рынок и которая, следовательно, не нуждалась в уничтожении его политической независимости, — Франция, не могла и не хотела с оружием в руках вмешаться в конфликт, назревавший на берегах Черного моря, и ограничивалась интригами и дипломатическими переговорами.

Из этого тяжелого положения Крым мог выйти лишь при условии перехода к более интенсивным формам хозяйства и усвоения западно-европейской техники, подобно тому как это произошло в России в царствование Петра I, для того, чтобы бороться с некоторой надеждой на успех против притязаний технически более сильного врага. С простодушной наивностью татары удивлялись перемене, происшедшей с русскими в первой четверти XVIII в.: им казалось, что «теперь русские стали уже не те; в прежнее время десять татар обращали в бегство сто русских, а теперь сто татар отступают при виде десяти русских». Из этих наблюдений необходимо сделать выводы, и мыслящая часть татарского общества эти выводы делала. В течение XVIII в. в Крыму мы замечаем некоторые признаки, но признаки очень слабые, начавшейся культурной реформы. Торговые связи с Францией, дружественные и враждебные столкновения с европейскими державами не могли прийти бесследно в быту крымских татар. Этот период можно до известной степени сравнить с тем периодом, который переживался Московским государством в конце XVII в. Если не масса татарского населения, то верхи ее уже осознали необходимость сближения с Европой: ревнивая замкнутость в сношениях с иностранцами уже была нарушена. В этом отношении интересны личности последних ханов Крыма, отразивших особенно сильно новые веяния. Пейсонель приводит любопытный разговор с Арслан-Гераем относительно мероприятий, необходимых для поднятия экономического благосостояния Крыма; разговор этот хорошо показывает, в какую сторону работала государственная мысль в Бахчисарае накануне падения независимости Крыма. Наряду с практическими запросами у иностранцев искали и общих знаний и в первую очередь — культурных развлечений. В интимную вечернюю компанию Максуд-Герая допускается французский резидент барон де-Тотт, который забавляет хана своим балагурством, в угоду ему устраивает фейерверки и делает опыты с электрической машиной. Но особенно характерен для этой эпохи знаменитый Крым-Герай.

Этот «древний богатырь», как его называет Ресми-Ахмед-эфенди, «страшный человек, последний из татар», проявлял вкус и

интерес к западной цивилизации, интересовался французским театром, поручил перевести комедию Мольера «Le bourgeois gentilhomme» на татарский язык, предпочитал французскую кухню татарской; во время похода на Подолье он не расставался с де-Тоттом, проводя свободное время в беседах с ним на всевозможные темы. Еще определенной вкус к иностранному отмечается у последнего крымского хана Шагин-Герая, который, по словам Кларка, «стремился все в этом государстве поставить на русскую ногу». Он построил близ Кафы в европейском вкусе каменный дворец, посягнув на священную для магометанина бороду и, не решаясь сбрить, скрывал ее под широким галстуком, пытался создать регулярную армию на русский образец и завести флот на Черном море: наконец, мечтал перенести столицу в приморскую Кафу.

Это новаторство последних ханов, характерное как признак времени, не могло иметь серьезных последствий, не выходя за пределы державных капризов. Новые западноевропейские веяния консулись, и то лишь поверхностно, только верхов татарского общества.

В XVIII в. иностранные вкусы оставались достоянием лишь небольшой группы татарской знати, оторванной от народной массы. Новшества Шагин-Герая вызвали сначала ропот, потом открытое восстание, которым воспользовалась Россия для принуждения его откату от престола.

Мы подошли, таким образом, к конечному моменту истории Крымского ханства, к его аннексии в состав Российской крепостнической империи, которая привела не только к уничтожению политической независимости татарского государства в Крыму, но и к беспощадному разорению царизмом той красивой и яркой туземной цивилизации, которая выросла на крымской почве в результате разнообразных культурных влияний, скрещивавшихся здесь в этом исконном морском порту у южнорусских степей.

Причина, повлекшая гибель Крыма как политического целого, ясна. Государство, еще не вполне изжившее пережитки старого родового строя, экономически отсталое, не могло бороться с натиском наступавшего на него русского царизма, а также неизбежно должно было превратиться в колонию экономически более сильного соседа, подобно тому, как почти одновременно Индия превращалась в английскую колонию.

Но есть один момент, без уяснения которого история гибели Крымского ханства будет неполна. Аннексия отвечала классовым интересам и была проведена при содействии той же крымской феодальной знати, которая в свое время способствовала вала

*«Мещанин во дворянстве».

образованию на полуострове независимого государства. Крымские феодалы, в их стремлениях к расширению своего государства над землей и людьми, не могли не видеть естественного союзника в крепостнической России. Этим объясняется готовность, с которой ширины, максуты и другие носители громких бейских и мурзинских фамилий торопились засвидетельствовать Екатерине во время ее путешествия по «Тавриде» свои «достохвальные чувствования», а в последующую затем Турецкую войну весьма активно доказали свою «привязанность к России» и преданность новому режиму, способствуя всем своим авторитетом недопущению своих соотечественников к восстанию и принимая непосредственное участие в разоружении населения Крыма, в арестах неблагонадежных мулл и в других мероприятиях русской власти, направленных к поддержанию порядка. Наградой за «ревность и усердие» были не только чины и почетные звания, которые, как из рога изобилия сыпались на баев и мурз. Переходное время было использовано ими для захвата громадных пространств земли. Мурзы, «едва ли имевшие собственной земли 3 тыс. десятин», при генеральном размежевании в 1798—1802 гг. оказались владельцами 42 тыс. десятин; даже мелкие мурзы, «кои прежде имели в общем (подчеркнуто мною. — С. Б.) с татарами владение только при трех или пяти деревнях свое владение, ныне один имеет 40 деревень лесных, садов, без покупки». Глава «временного земельного правительства», совершившего передачу Крыма России, бей Мегметша ширинский получил во владение Кокосскую долину и объединил в своих руках 27333 десятины; другой крупный феодал Батыр-Яга — Салгирскую округу в количестве 14629 десятин. Беки торопились стянуть с себя путы старых родовых пережитков, ограничивших их право распоряжения родовой землей своих бейликов, присваивая себе ее в полную собственность, продавали и складывали. С другой стороны, по примеру русских помещиков мурзы стремились закрепить окончательно своих единоплеменников. «Ныне, — жаловались татарские депутаты в 1805 г., — как старые, так новые помещики, самоправно взявши у татар собственную их землю и другие уголья, не только ими владеют, но еще заставляют их работать, сколько им угодно».

Таким образом, и тут крымская феодальная знать в своих интересах шла навстречу русским крепостникам, подобно тому как в свое время она вступала в соглашение с Кафой, а позже с Турцией, с готовностью пожертвовала непопулярным ханом, в качестве покорного орудия русской власти подавляла все попытки к восстанию и втихомолку, «соединяясь с новыми (русскими) помещиками, округляла свои владения путем экспроприации «простых» татар и

их самих обращала в своих крепостных. Эксплуатируемые массы ответили грандиозной эмиграцией, причину которой те же татарские депутаты указывали в «обидах» и «притеснениях», претерпеваемых татарами как от русских, так и от «своих татарских помещиков».

Победители, по красочным словам одного иностранного наблюдателя, «опустошили страну, вырубали деревья, разломали дома, разрушили святилища и общественные здания туземцев, уничтожили водопроводы, ограбили жителей, надругались над татарским богослужением, выкинули из могил и побросали в навоз тела их предков и обратили их гробницы в корыта для свиней, истребили все памятники старины» и, наконец, «установили свое отвратительное крепостное право».

С независимостью Крыма было покончено.

Таким образом, историю Крымского ханства с XIII по XVIII вв. можно, мне кажется, разбить на следующие, ярко очерченные периоды, характеризующиеся в значительной степени сменами хозяйственных и культурных влияний, идущих из Средиземноморья. Первый период, который охватывает время конца XIII в. до 80-х годов XIV в. и может быть назван периодом Солхатским, определяется преобладанием у вторгнувшихся в Крым татар старых форм хозяйственного и юридического строя: это еще кочевники-скотоводы, живущие родовым бытом; захват Крыма способствует, с одной стороны, развитию феодальных отношений в татарском обществе; с другой — втягивает завоевателей в сферу торговых интересов Черного моря, а то и другое обстоятельство питает тенденции к сепаратизму полуострова. В культурном отношении этот период характеризуется разнообразием влияний, перекрещивающихся в Крыму (Египет, Малая Азия, Италия), разнообразием, которое объясняется устремлением мировой торговли в возникшие вновь центры чингизхановой империи, на Волгу и в Монголию.

Второй период, от 80-х годов XIV в. до 1483 г., определяется господством на Черном море Генуи и ее колоний; итальянский торговый капитал в союзе с татарскими феодалами кладет первое основание независимому татарскому государству в Крыму.

Третий период обнимает весь промежуток времени от конца XV в. до начала XVIII в. На торговых путях Черного моря господствует Турция, разорившая итальянскую торговлю. Развитие экспорта хлеба из Крыма в столицу Оттоманской Порты содействует переходу татар к земледелию и к оседлой жизни, и это обстоятельство отражается на усилении владельческого положения феодальной знати Крыма. Под покровительством Турции образуется местное государство, одновременно являющееся порождением местных феодальных отношений и политики турецких падишахов.

В культурном отношении этот период ознаменован проникновением во все стороны быта верхов татарского общества турецкой цивилизации.

Наконец, четвертый период (XVIII в. — до падения Крымского ханства) определяется борьбой европейских держав за колонии на Черном море.

С одной стороны, претендуя на обладание Черноморским рынком выступает Франция, с другой — к Черному морю протягивает жадную руку крепостническая Россия. Хозяйственная отсталость крымских татар по сравнению с другими народами Европы ставит их в невозможность бороться с таким технически сильным врагом, каким была Российская империя. Общность интересов татарской феодальной знати и русского помещика ускоряет катастрофу, завершающуюся уничтожением независимого Крымского ханства.

Таковы, как мне представляется, последовательные этапы образования и жизни туземного феодального государства в татарском Крыму.

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В СТАТЬЕ

1. Б р о н е в с к и й М. — «Tartariae descriptio» Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Lugdunum Batavorum ex officina Elzevieriana. 1630. (первое издание — Кельн, 1595).
2. М и х а и л Л и т в и н. — De moribus Litvanoum et Moscorum, латинский текст и русский перевод в «Архиве историко-юридических сведений». Н. Калачева, кн. 2-я, ч. 2-я. — М., 1854 (первое издание Базель, 1615).
3. «Ex epistola a Polono ad D. Chytraeum scripta an. 1581» (в эльзевировском издании) «Russia seu Moscovia itemque Tartaria».
4. P a l l a s, P. S. — «Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des Russ. Reiches in din Jahren 1793 u. 1794», ч. 2-я — den Leipzig, 1801.
5. «Memoires du baron de Tott sur les turecs et les tartares», t. II, Amsterdam, 1794.
6. «Receuil de voyages au Nord», t. IV, Amsterdam, 1732, t. VII, там же, 1735, t. X, там же, 1738.
7. «Voyage du chevalier Chardin en Perse», ed, par L. Langles, t. I, Paris, 1811 (автор был в Крыму в 1672 г.).
8. P e u s s o n e l — «Traite sur la Mer Noire», Paris, 1787.
9. P e u s s o n e l — «Lettre, contenant quelques observations, relative aux memoires, qui ont paru sous le nom de M. de baron le Tott, Amsterdam, 1783.
10. J e a n d e L u c a — «Relation des tartares Percopites et Nogaes» («Receuil de Voyages au Nord», t. VIII.
11. R e u i l l y — «Voyages en Crimée et sur le borde la Mer Noire, Paris, 1806.
12. K l e m a n N. E. — «Tagbuch der Reisen», Prag, 1783.
13. C l a r k e, Edw. — «Travels in various countries of Europe, Asia and Africa, t. 1, Cambridge, 1810.
14. «Сборник старинных узаконений Российской Империи касательно прав караимов», издание З. А. Фиркович. — СПб, 1890.
15. Т и з е н г а у з е н В. Г. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. I. — СПб, 1880.
16. «Камеральное описание Крыма» («Известия Таврической архивной комиссии», № 3 и 4).
17. С у м а р о в о в П. «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. — М., 1800.
18. Е г о ж е. «Досуги крымского судьи». — СПб, 1803—1805.
19. «Статейный список стольника В. М. Тяпкина» («Записки Одесского общества истории и древностей», т. II).
20. Л а ш к о в Ф. Ф. «Сборник материалов по истории крымско-татарского землевладения» (в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии», № 21, 22, 23, 24, 25, 26).
21. «Извлечение из турецкой рукописи..., содержащей историю крымских ханов» («Записки Одесского общества истории и древностей», т. 1).
22. «Мемуары Ресми-эфенди» («Библиотека для чтения», т. 124, 1854).
23. «Ханские ярлыки» в «Записках Одесского общества истории и древностей», т. II.
24. Б а ш к и р о в С. А. и Б о д а н и н с к и й У. — «Памятники крымско-татарской старины» («Новый Восток», № 8—9).
25. С м и р н о в В. Д. «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.» — СПб, 1887.
26. В е л ь я м и н о в — З е р н о в. «Исследования о касимовских царях и царевичах» (в «Трудах Вост. отд. имп. археологического общества», ч. 10. 1863).